

УДК 947.6

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКОГО ПОДПОЛЬЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД РЕПАТРИАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1944 – СЕРЕДИНА 1945 г.)

В.В. Барабаш

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена проблеме деятельности Армии Крайовой (АК) в ходе репатриации польского населения из Западной Беларуси в Польшу во второй половине 1944 – середине 1945 г. В работе рассматривается эволюция, которая происходит в позиции поляков и польского подполья на территории Беларуси в отношении репатриации. Акция переселения была использована АК для эвакуации в Польшу значительной части своих членов перед угрозой репрессий НКВД.

The article deals with the problem of the activity of the Home Army during the repatriation of the Polish people from the Western Byelorussia in the second half of 1944 – first half of 1945. The evolution in the position of Poles and Polish underground on the territory of Byelorussia with reference to the migration is considered in this paper. The action of the repatriation was used by the Home Army for the evacuation to Poland a considerable part of their members in front of the threat of the repression of NKVD.

Определение новой советско-польской границы на завершающем этапе Второй мировой войны повлекло за собой необходимость осуществления процесса репатриации населения. 9 сентября 1944 г. в Люблине было подписано Соглашение между БССР и Польским комитетом национального освобождения (ПКНО) об эвакуации белорусского населения с территории Польши и польских граждан с территории Беларуси [1].

Поскольку данные крупномасштабные национально-территориальные трансформации затрагивали интересы различных политических центров и социальных слоев, отношение к ним было неоднозначным. Сразу негативно сентябрьское соглашение 1944 г. было встречено польским эмигрантским правительством в Лондоне и подчиненными ему политическими и военными структурами. ПКНО не был признан мировым сообществом полноправным представителем польского народа. Соответственно, отрицалась легитимность всех заключенных им договоренностей. Главной целью обмена населением, по мнению представителей польского лондонского лагеря, являлось «полное устранение польского элемента с земель, расположенных на востоке от линии Керзона». Это было необходимо, чтобы поставить западных союзников и правительство Польши перед свершившимися фактами и создать большие возможности для решения в свою пользу территориальных проблем на международной конференции [2].

Принимая в целом справедливость оценки сталинской политики, представляется, что процесс переселения, как и в других регионах Европы, в первую очередь был подчинен интересам решения национальных проблем и обеспечению безопасности государств после войны.

Позиция в отношении готовящейся репатриации была сформирована польским подпольем еще до заключения официальных договоренностей. Выполняя указания эмигрантского правительства, в августе 1944 г. руководители Армии Крайовой (АК) в Западной Беларуси дали приказы подчиненным, запрещающие оставлять исполняемые ими до этого должности и продолжать оборону «своей крестовой земли». Одновременно АК начала развертывать агитацию среди польского населения, направленную против выезда в Польшу. Полякам разъясняли, что они живут на своей земле и советская власть на данной территории является временным фактором [3, s. 685; 4].

Агитация АК, апеллировавшая к патриотическим чувствам поляков, имела сильное влияние. Широко распространялись слухи, что западные союзники «гарантируют организацию послевоенной Польши в границах 1939 г.» и даже скоро вступят в войну с СССР [5; 6, л. 345]. В результате значительная часть польского населения была настроена против репатриации и отказывалась регистрироваться на выезд [6, л. 345–347].

Чувство неопределенности положения усугубляла продолжавшаяся война. Многие люди не хотели покидать родные места и выезжать в неизвестность. Не успокаивали известия, что большинство поляков из Беларуси будут расселены на новоприобретенных землях Польши. В сознании людей представлялась проблема не только из-за их огромных разрушений, но и то, что они по-прежнему оставались немецкими, что вызывало опасения возможности территориальных изменений. В результате войны, арестов и депортаций в глубь Советского Союза многие люди не вернулись домой и судьба их была неизвестной. Оставшиеся семьи ждали возвращения своих родственников и воздерживались, особенно в первое время, от выезда на запад.

Поворотным моментом в этой ситуации становится Ялтинская конференция, которая состоялась в феврале 1945 г. На международном уровне линия Керзона была окончательно утверждена как будущая советско-польская граница. Эмигрантское правительство Речи Посполитой не признало решений Ялтинской конференции. Вместе с тем, в инструкции от 14 марта 1945 г. своим подчиненным подпольным структурам кабинет Т. Арцишевского предписывал содействовать

процессу переселения в Польшу, рассматривая его «как одну из форм защиты польского элемента от гибели и депортации на восток» [7, с. 67–68].

Польское подполье, католические ксендзы развернули в Западной Беларуси агитацию за репатриацию в Польшу [8, с. 116–117]. Вместе с тем, после Ялтинской конференции однозначно перелом в позиции АК и поляков в отношении переселения не произошел. Ситуация существенно отличалась по районам Западной Беларуси. Так, например, обеспокоенный убытием польского населения, комендант Волковысского обвода АК в январе 1945 г. обращался к вышестоящему командованию Белостокского округа АК с просьбой о соответствующих директивах. Не дождавшись из-за проблем со связью ответа от разделенного границей командования, обвод в конце февраля 1945 г. начал самостоятельно пропагандистскую деятельность по противодействию процессу репатриации. В результате распространения членами подполья листовок, а также проведения бесед среди населения в конце месяца наблюдалось значительное снижение записавшихся на выезд. Гродненским инспектором АК, куда входил Волковысский обвод, эта акция продолжалась до середины 1945 г. [3, с. 665–666; 9, к. 97].

В целом, в районах Западной Беларуси со значительным польским населением разница зарегистрированных на выезд весной 1945 г. составляла от 10 до 100 % жителей. Это зависело, главным образом, от отношения к процессу переселения как местных советских органов власти, так и польского подполья [3, с. 703; 8, с. 110–112, 160].

Следствием заблуждений, что ослабленному в войне с Германией Советскому Союзу Англия и Америка будут диктовать свои условия, стало распространенным явлением запись людей в переселенцы, которые не собирались уезжать, а расценивали регистрацию как тайное голосование. Считалось, что если ее итоги покажут преобладание среди населения поляков, Западная Беларусь отойдет к Польше [10, л. 37–40].

Сдерживающим фактором для выезда из Беларуси для многих поляков оставались надежды на восстановление границ 1939 г. на международных конференциях в Сан-Франциско и Потсдаме, проходивших в апреле – начале августа 1945 г. [10, л. 41–43, 95]. Результатом их крушения стало то, что выезд польского населения стал повсеместным явлением [8, с. 703–704; 10, л. 95]. Из 90 142 переселившихся из Беларуси в Польшу с начала 1945 г. до сентября 1945 г., 74 314 (82,4 %) приходится на июль – август [7, с. 75].

Сильнее любой агитации влияние на принятие решения о репатриации в Польшу оказывали мероприятия советской политики: перспектива коллективизации сельского хозяйства, установленные высокие налоги, боязнь депортации и отправки на тяжелые работы в глубь Советского Союза, дискриминация властями поляков как национального меньшинства, притеснение костела. Вместе с чисто прагматическими расчетами часть польского населения вынуждало переезжать высокое чувство национального самосознания [8, л. 103, 166–167; 10, л. 37–40].

Спорным выглядит встречающееся в литературе утверждение, что органы власти БССР относились нейтрально к процессу переселения и активно не вмешивались в его ход осенью – зимой 1944–1945 г. [8]. Видя поддержку подполья АК польским населением, советское руководство понимало, что подавить его только спецоперациями НКВД невозможно. Крупномасштабная акция переселения в Польшу изначально была призвана служить цели деполонизации западных областей СССР, искоренения социальной базы польского сопротивления [11].

Документы сообщают о давлении на польское население с целью заставить его выехать в Польшу, предпринимаемым в некоторых районах советской администрацией с начала 1945 г. и продолжавшимся в течение весны [3, с. 662–665, 720; 9, к. 100].

Перегибы в отношении польского населения было вынуждено признать и руководство БССР. В обнародованной 3 июля 1945 г. справке заместителя заведующего оргинструкторским отделом ЦК КП(б)Б Н.Шелихова о работе партийных организаций Гродненской области отмечались «многочисленные факты нарушений социалистической законности – необоснованные аресты, случаи избиения поляков, незаконное нарушение прав поляков». Все это способствовало массовой записи поляков на репатриацию в Польшу и ускорению их выезда [12].

Вместе с тем, нельзя согласиться с встречающимися крайними утверждениями, как у немецкого историка Б.Къяри, который отождествляет репатриацию поляков с этническими чистками в Беларуси [13]. Данному суждению противоречит то, что несколько сотен тысяч поляков, т.е. их большинство, остались проживать в БССР после завершения переселения.

Для советского руководства довольно скоро стало очевидным, что убыль значительного количества населения представляет серьезную угрозу выполнению плана государственных поставок и, в целом, потерей рабочих рук в ряде районов Западной Беларуси,

разрушенных в результате войны. Обеспокоенность этой проблемой начинает принципиально изменять позицию властей БССР в сторону жесткого контроля хода репатриаций с весны 1945 г. В результате принятых в апреле – мае 1945 г. постановлений ЦК КП(б)Б и СНК БССР со стороны центральных и местных властей нарастала тенденция по созданию препятствий при регистрации. Списки репатриантов пересматривали и многих вычеркивали, записывали белорусами. В результате тысячам людей было отказано в выезде [8, с. 126–147; 10, л. 56].

В связи с изменением военно-политической обстановки (наступлением Красной Армии в Польшу, решениями Ялтинской конференцией) и усиления репрессий НКВД кардинально изменяется и деятельность польского подполья в Западной Беларуси. 19 января 1945 г. АК была официально распущена. Командование округов АК в Западной Беларуси функционировало до середины 1945 г. в остаточном состоянии, занимаясь, главным образом, ликвидацией своих структур и эвакуацией членов конспирации за линию Керзона.

В ходе подготовки к проведению репатриации, в сентябре 1944 г. Берия дал указание органам НКВД и пограничным войскам БССР установить контроль над процессом переселения, не допуская выезда лиц, разыскиваемых службами госбезопасности [14]. В сложившейся ситуации подполье АК внедряло своих людей и устанавливало контакты с польскими служащими ПУРа (Государственного репатриационного управления), Уполномоченного Временного правительства Польши по делам эвакуации, Союза польских патриотов и др. учреждений, которые занимались переселением. Известно, что помощь лицам, находящимся под угрозой ареста, оказывали сотрудники отделений ПУРа в Вильнюсе, Барановичах, Несвиже, Клецке, Юратишках. Их снабжали фальшивыми документами. Из фондов своих округов АК члены подполья также получали деньги для обустройства на новой территории. В Вильнюсе был организован пункт переброски поездами аковцев из территории Западной Беларуси [15, s. 666; 16, s. 78–79; 17; 18].

Несмотря на сверку перед отъездом списков репатриантов сотрудниками госбезопасности, многим из разыскиваемых людей удавалось проскользнуть в общей суматохе и спрятаться в вагонах в ворохах сена, перевозимого как корм для живого инвентаря. При содействии знакомых польских железнодорожников и польских пограничников поездами их переправляли на территорию Польши [17; 18].

По имеющимся данным, в период с апреля до июня 1945 г. было переброшено через границу репатриационным транспортом три новогрудских отряда из обвода АК Лида, а также не менее 300 чел. из районов Барановичи и Несвиж. Особенно успешно осуществлялась эвакуация с мая, после организации нелегальных приемных пунктов на другой стороне границы. В каждом поезде перебрасывалось по меньшей мере несколько десятков аковцев [16, с. 79].

Организованная эвакуационная акция польской конспирации закончилась в июле 1945 г., после разгрома НКВД последнего командования Виленско-Новогрудского округа АК [20, с. 338]. Тем не менее большинству членов польского сопротивления, действовавшего в 1945 г. в Западной Беларуси, удалось перебраться в Польшу в ходе акции репатриации [3, с. 648; 18; 21].

Таким образом, в начальный период развертывания репатриации из БССР во второй половине 1944 – середине 1945 г. происходит эволюция позиции польского населения от выжидания и неприятия в сторону активного участия в этом процессе. Одним из факторов, оказавшим определенное влияние на переселение, явилась деятельность Армии Крайовой. Не отрицая фактов репрессий со стороны польского сопротивления, следует признать, что десятки тысяч людей в основном добровольно сделали выбор в пользу выезда. Главной причиной, которая заставляла переселяться в Польшу, было нежелание жить при советском тоталитарном режиме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений // Сб. док. в 12 т. / под ред. И.А. Хренова и В.Т. Ковальского. – М.: Наука, 1963–1985. – Т. 8. – С. 213–219.
2. Polskie Państwo Podziemne w walce o suwerenność 1944–1945 (w świetle dokumentów sztabu Naczelnego Wodza) / oprac. P. Matusak. – Siedlce, 1999. – S. 113.
3. Krajewski, K., Łabuszewski, T. Białostocki Okręg AK–AKO. YП. 1944 – YП. 1945. – Warszawa, 1997. – 853 s.
4. Centralne Archiwum Wojskowe. – VIII. 807. 28. – Т. 10 – К. 180.
5. Roguť, D. Polacy z Wileńszczyzny w obozach sowieckich «saratowskiego szlaku» (1945–1949). – Toruń: A. Marszałek, 2003. – S. 40.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). – Фонд 9401. – Оп. 2. – Д. 66.
7. Sula, D. Działalność przesiedleńczo-repatriacyjna Państwowego Urzędu Repatriacyjnego w latach 1944–1951. – Lublin, 2002. – 200 s.
8. Вялікі, А. На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944–1946 гг.). – Мінск: БДПУ, 2005. – 319 с.
9. Instytut Pamięci Narodowej. Biuro udostępnień (dalej IPN BU). – 00231/154/5.
10. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 9. – Д. 30.
11. ГАРФ. – Фонд 9401. – Оп. 2. – Д. 67 – Л. 185.
12. Освобожденная Беларусь: документы и материалы: в 2 кн. / сост. В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2004–2005. – Кн. 2: Январь – декабрь 1945 г. – 2005. – С. 242–243.

13. К'яры, Б. Штодзённасьць за лініяй фронту: Акупацыя, калабарыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 г.). – Мн., 2008. – С. 317.
14. ГАРФ. – Фонд 9401. – Оп. 2. – Д. 68 – Л. 88.
15. Krajewski, K. Na Ziemi Nowogródzkiej. «Nów» – Nowogródzki Okręg AK. – Warszawa: Pax, 1997. – 814 s.
16. Niwiński, P. Okręg Wileński AK w latach 1944–1948. – Warszawa: Volumen, 1999. – 407 s.
17. Zakład rękopisów Biblioteki Narodowej w Warszawie, akc. 12775. Helena Pasierbska: Wileńskie wspomnienia z lat wojny. 1939–1945. – К. 40.
18. IPN BU. – 00231/273, т.1. – К. 171.
19. Archiwum Akt Nowych. – 202/II/11. – К. 289.
20. Wołkonowski, J. Okręg Wileński Związku Walki Zbrojnej – Armii Krajowej w latach 1939–1945. – Warszawa: Adiutor, 1996. – 383 s.
21. Siemaszko, Z. Rozmowy z kapitanem Szabunią // Zeszyty Historyczne. – 1973. – № 25. – S. 126.

УДК 619 «XVIII - XIX» (476.6)

ВЕТЕРИНАРНОЕ ДЕЛО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ В БЕЛОРУССКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.С. Билецкий

УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье рассматривается развитие ветеринарного дела на белорусских землях конца XVIII – начала XIX веков в исследованиях российских и белорусских авторов, начиная с послевоенной советской и заканчивая современной литературой. Следует подчеркнуть, что в отечественной историографии практически отсутствуют специальные работы, посвященные истории ветеринарии, а имеющиеся данные раскрывают только отдельные вопросы ветеринарной науки и практики. Изучение и систематизация полученных данных позволяют обозначить основные направления в изучении ветеринарной службы Беларуси.

This article is devoted to the development of veterinary service on the territory of Belarus at the end of 18th – beginning of 19th century according to the research of Russian and Belarusian authors of postwar soviet and modern literature. It should be mentioned, that there are hardly any privies on the history of veterinary in Belarusian historiography, so the even data reveals only certain questions of veterinary science and practice. The research and systematization of the sidings allow to determine the main trends in the veterinary service of Belarus.

На сегодняшний день в связи с развитием ветеринарной науки, ростом специализированных кафедр, факультетов и даже целых институтов в этой области, проблема недостаточной изученности истории ветеринарной службы на белорусских землях приобретает особую актуальность. К сожалению, специальные работы в этой области практически отсутствуют. Забыты истоки формирования и